

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Штылевой Марии Владимировны «Повседневные практики активисток женских организаций Мурманской области на рубеже XX – XXI веков: социокультурные аспекты», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – этнология, антропология и этнография (исторические науки)

Интерес к социальной антропологии – направлению, исследующему человека и человеческие сообщества с акцентом на социальную организацию, – вызван в современном российском обществе обострением демографической ситуации в стране. Именно проблемы с рождаемостью и неустойчивостью семейных структур в современной России заставляют российское общество и науку с большой ответственностью относиться к темам, связанным с социальным статусом женщин.

Благодаря исследованиям истории и антропологии женской повседневности, которые целенаправленно и упорно ведутся уже тридцать лет в Центре гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), это научное учреждение стало лидером в изучении социального вклада женщин в культуру и науку, своеобразным чемпионом в цитируемости и публикационной активности, местом формирования всем известной научной школы Н.Л. Пушкаревой. Изучение «социальной антропологии женского» охватывает все новые социальные явления и структуры, которые ранее не попадали в поле зрения ученых. Именно к таким исследованиям можно отнести и представленную к защите диссертацию Марии Владимировны Штылевой, посвященную анализу повседневных практик активисток женских организаций на Кольском полуострове в конце XX-го – начале XXI-го века.

Данная диссертация - *новое слово* в науке.

Комплексного исследования повседневных практик активисток женских организаций в годы социально-экономической и политической турбулентности 1990-х – начала 2000-х годов ни в отечественной, ни в мировой историографии не было. Тема диссертационного исследования М.В. Штылевой нова и потому, что исследований по антропологии женского лидерства отечественная наука тоже не знала. Между тем, изучение того, как жилось в начале постсоветского периода тем из женщин, которые и умели конкурировать, и обладали яркими способностями к контактированию, социальному взаимодействию, насколько на их социальное поведение влияли паттерны традиционной культуры гендерных отношений – все это очень востребованная проблематика. Изучение женской повседневности в лиминальный период отечественной истории – от советской «привычности» (часто именуемой застоем) к постсоветской неопределенности – а именно такими были 1990-е годы – представляется актуальным направлением, так как такое исследование позволяет проанализировать, как под влиянием стремительных трансформаций условий жизни может измениться привычный

порядок вещей, складывавшийся, если не веками, то десятилетиями... Как может измениться личный и общественный статус женщин, каким становится содержание их повседневного быта, сложны ли стратегии адаптации к изменчивому миру, какие новые умения и навыки приобретались женщинами в те годы, а какие потеряли свою актуальность, как изменилась система ценностей у женщин, взявших на себя нелегкий труд менять к лучшему жизнь не только свою, но и других, – все это задачи, поставленные М.В. Штылевой и решенные ею в ее исследовании.

Без понимания этих изменений трудно, пожалуй, понять и нашу современную жизнь, и события недавнего прошлого, заметить их истинное «человеческое измерение».

Заметим, что быт и повседневность активисток женских организаций как особая (и важная!) тема не получила освещения не только в трудах отечественных, но и зарубежных исследователей, которые всегда опережали российских в своем внимании ко всем незаслуженно забытым, не главным и незаметным. Активистки, лидерши разных НКО в то десятилетие, которое Ирина Анатольевна Жерёбкина назвала «гендерные девяностые», были как раз заметны на политическом небосклоне 1990-х - начала 2000-х гг. Но что-то никто из авторов не задался вопросом: почему, как и когда эти обычные женщины вдруг стали заметными в общественной жизни? Никто не задумался: как им жилось тогда, совмещая частную, профессиональную и общественную жизнь? Как их общественная активность воспринималась во внесемейной и внедомашней среде, как влияла на бюджет времени матерей и жен, стала ли примером для других?

Историко-антропологический, социокультурный аспект изучения повседневных практик как раз и предполагает пристальное внимание к бытовому, к обыденному, не замечаемому повседневно – тому, что составляет контекст серьезных перемен, происходивших в то время в политике и экономике нашей страны. Публикации, в которых бы авторы хотя бы косвенно затрагивали выбранную М.В. Штылевой тему, нужно было искать, что называется «днём с огнём». Те, кто изучали этнографию города, не касались недавних периодов истории (считая, что с этим справятся социологи), а те, кто занимался гендерными исследованиями в политологии и социологии, не интересовался вопросами быта (ни участниц движения, ни его лидеров). Таким образом, как и новизна, **актуальность** изучения взятой М.В. Штылевой темы, очевидна.

Диссертантке пришлось пройти нелегкий путь пионера в деле формирования источниковой базы темы, за которую никто до нее не брался. Такая задача была успешно выполнена М.В. Штылевой: ею была сформирована доказательная источниковая база, включающая нормативно-правовые документы центральных и региональных органов власти, равно как документы, связанные с трансграничным сотрудничеством в рамках БЕАР, данные государственной статистики; материалы Государственного архива Мурманской области (ГАМО); печатные издания общественной женской организации, что числе различные информационные листки, бюллетени

некоммерческих организаций; материалы городских и областных газет, резолюции и материалы международных конференций, которые проводились женскими организациями (и которые подчас совершенно невозможно выявить даже в местных библиотеках), сборники статей о ходе и результатах работы этих региональных женских организаций по разным направлениям и проектам. Всё это дополнено такими ценными источниками, которые очевидны для этнографов, но недооцениваются социальными историками, как источники личного происхождения, в том числе рассказы женщин, материалы их «устных женских историй».

Тут как раз и пригодился личный архив автора диссертации. Часть записей – результат глубинного интервьюирования, агрегации материала и последующей работы с ним путем выделения смысловых единиц, выявления типики в нарративах. Именно разноплановый и обширный комплекс источников позволил диссертантке подробно рассмотреть примеры повседневных практик из жизни активисток регионального движения женщин в Мурманской области, подтвердить все выдвинутые в начале работы гипотезы.

Важно отметить введение в научный оборот множества авторских текстов лидеров регионального женского движения. Отрывки, приведенные в диссертации, ярко характеризуют глубокую погруженность местных лидеров женского движения в региональные проблемы, серьезное, вдумчивое отношение к общим проблемам формирования единого общероссийского движения за повышение социального статуса женщин, улучшения качества жизни всех и каждого в регионе. Речь об использованных М.В. Штылевой научных и публицистических статьях, написанных с болью и тревогой и наполненных доскональным знанием местных городских забот, об их интервью и выступления на круглых столах, собраниях, конференциях.

Все это вместе взятое и создало картину жизни региона на переломе эпох и показало перемены в быту женщин, которые приняли на себя нелегкую роль лидеров.

М.В. Штылева в диссертации и автореферате постоянно подчеркивает «сложносочиненный», междисциплинарный характер исследования. Его специфика обусловлена не только особенностями исторического периода и необходимостью работать, применяя приемы социологов, политологов, социопсихологов (а не только историков и антропологов), но и таким интересным феноменом, как своеобразие акторов российского женского общественного движения в 1990-2000-е годы. Предмет изучения диссертантки – повседневные практики не всех и не «просто женщин», женского населения городов Мурманской области, выживавшего в условиях фундаментальной перестройки страны и региона. Предмет ее исследования – практики той особой части этого женского населения, которых называли *активистки*, лидерши, самые пассионарные и жертвенные из тех, кто решился думать не только о себе и своих семьях, но о женской части горожан в целом, о своем и их будущем. Чтобы рассказать об их жизнях историко-антропологическими методами, М.В. Штылевой понадобилось объединить

теоретические подходы, традиционные и новейшие приемы исследования из разных областей научного знания: обновленной социальной истории, женской истории или феминологии, социальной антропологии и истории повседневности, а также социальной теории мобилизации ресурсов.

Структура диссертации соответствует замыслу автора, заявленным целям и задачам исследования.

В начале, в главе «Повседневность и общественная активность женщин Мурманской области глазами российских и зарубежных исследователей и теоретиков» автор обосновывает и подробно раскрывает свои приемы работы, последовательно и грамотно анализирует историографию проблемы, включая работы зарубежных авторов. Далее ей кажется важным подробно охарактеризовать понятийно-терминологический аппарат, чтобы не возникло вопросов, кто такие активистки и о какой части их жизни пойдет речь в работе. Это способствует упреждению возможных недопониманий и двойственности толкований.

В следующей главе – «Динамика общественной активности жительниц Мурманской области на рубеже XX - XXI веков. Возникновение «Конгресса женщин Кольского полуострова» - скрупулёзно анализируются особенности региона, определяющие фон повседневной жизни и разнообразной деятельности мужчин и женщин в Кольском Заполярье, подчеркиваются гендерные различия между полами в образовании, профессиональной занятости, карьерном и общественном статусе, обуславливающие различия в повседневных заботах женщин и мужчин, их образе жизни в целом; анализируются предпосылки взрывного роста общественной активности женщин Мурманской области в самом конце 1980-х гг. и исследуется зарождение общественного движения женщин. К достоинствам диссертационного исследования стоит отнести демонстрацию разнообразия мотивов и практик вовлечения женщин во внедомашнюю сферу жизни – в деятельность создаваемых снизу женских объединений, разнообразие сомнений, фобий и переживаний, возникавшего параллельно недоверия к этим женским собраниям, коренящегося в социально-культурных стереотипах и изживаемых в процессе совместной общественной работы (в том числе редких помощников-мужчин в женских организациях). Тут же говорится о сложностях оценки социального поведения женщин в гендерно-несегрегированных группах (речь о взаимодействиях женщин с женщинами же), о возникновении социальной эмпатии в отношении самых незащищенных из женщин (многодетных, матерей детей-инвалидов, женщин-инвалидов, стремления им помочь).

Очень важен вывод исследовательницы о том, что мурманские активистки того времени видели в беспорядке и даже хаосе жизни 1990-х гг. не только ухудшение условий жизни, но и новые возможности. И они их использовали, как доказывается в диссертации, для личностного и профессионального роста этих женщин, для направления усилий в область решения стоящих тогда перед ними региональных проблем. Из крупиц информации, разбросанной в разных видах и типов источников,

М.В. Штылева попыталась реконструировать ту системообразующую специфическую среду (речь о работе по созданию и развитию женских организаций), в которой как раз и изменялась повседневная жизнь, обыденные привычки и практики активисток -- как в общественной, так и в приватной жизни. Судя по личному архиву, эти перемены диссертантка (бывшая тогда в возрасте ранней юности) видела своими глазами, то есть в диссертации реализован полноценный инсайдинг, полноценная самоэтнография – и это значимо отличает представленный текст от множества научных исследований.

При чтении главы ощущается желание М.В. Штылевой максимально точно воспроизвести обстановку того времени и той среды, не упустить деталей возникновения региональной общественной организации, названной мурманчанками «Конгресс женщин Кольского полуострова» - и сделать это в историко-антропологической перспективе. Собранный в данной главе материал и его анализ интересны не только историкам; он безусловно важен и для политологов, социологов, поскольку М.В. Штылева самым подробным образом излагает внедомашнюю повседневность активисток. Тут и организация женских клубов, и проведение семинаров и тренингов личностного роста, и овладение технологиями сбора средств на деятельность организации, и обучение взаимодействию с органами власти и СМИ, с возникшими в то время различными благотворительными фондами, российскими и зарубежными, вылившееся в создание городских, региональных, всероссийских и трансграничных сетей с женскими союзами и группами для совместной деятельности...

Недостатки в работе – продолжение ее достоинств!

Обилие частной информации и явная глубокая вовлеченность М.В. Штылевой в жизни тех, кто был активными деятельницами мурманских женских объединений, на наш взгляд, в итоге нарушили баланс между «необходимым» и «достаточным» в объеме и подробности рассматриваемых аспектов. В тексте заметно стремление автора выявлять причины отказа общественниц от ранее использовавшихся ими практик и навыков в пользу новых, раскрыто их отличие от предыдущего опыта, но... на наш взгляд, следовало бы усилить эти акценты, сделать их более яркими и понятными, избавиться от бесконечных перечислений (стр. 165, 169 и др.).

Вернемся, однако, снова к достоинствам. Конечно, совершенно особый интерес представляет анализ специфики социокультурных практик активисток, которые были обусловлены внешним фактором - самим геополитическим положением Мурманской области, граничащей с Норвегией и Финляндией. Совершенно предсказуемо для того времени было активное участие женских организаций региона в сотрудничестве стран БЕАР. С учетом современных реалий, диссертантка не могла (думается) слишком подробно об этом писать, но все же научная честность заставила ее написать, что многое в повседневности активисток изменилось именно тогда и именно под этим влиянием. К новому и переменам диссертантка относит внедрение эгалитарных идей и теорий, элементов организационной культуры женских

организаций Северных стран (в том числе – освобождение от иерархичности, столь типичной для всех советских структур, умение работать в командах, где все друг другу равны). Механизмы и результаты влияния исследуются автором на примерах участия мурманских активисток в те годы только нарождавшихся кампаниях противодействия секс-торговле, домашнему насилию, в создании на территории Кольского полуострова первых пяти кризисных центров; совместной работы мурманчанок и активисток женских организаций Северной Норвегии. На наш взгляд, исследованию влияния трансграничного взаимодействия мурманских и скандинавских активисток на изменение социокультурных практик участниц региональной женской организации в диссертации М.В. Штылевой, конечно, надо было бы уделить больше места и, наверное, со всей честностью сказать, что гендерные программы стран Северной Европы являются частью особой политики, которую даже именуют фемократической (то есть ориентированной на особые права женщин). Исследования у нас об этом есть, в том числе публикации доктора философских наук, сотрудника Института философии РАН Ольги Александровны Ворониной.

К сожалению, диссертантка не коснулась и темы влияния трансграничных проектов сотрудничества женских организаций в рамках содружества стран БЕАР на социокультурные практики и работу женских организаций в Карелии и Архангельской области. Почему там не возникло организаций, подобных «Конгрессу...», созданному в Мурманской области? Были ли там такие же неравнодушные женщины, такие же активистки, создававшие свои союзы, менявшие свой образ жизни и подававшие пример другим? Или Мурманская область уникальна? И возникновение такого мощного объединения, как «Конгресс...» было закономерным итогом взаимодействия культур Северной Европы и этой части Российской Федерации?

Последняя глава «Динамика перемен в повседневности активисток женского движения на Кольском полуострове на рубеже XX - XXI вв.» - самая ценная в работе. Она построена на материалах интервью, личных архивов и авторских публикаций женщин-активисток. Мы можем слышать их голос, понять, что конструировало их жизненные миры. В главе всесторонне рассматриваются изменения в повседневной жизни этих женщин, в жизненных стратегиях, в мировоззрении и самовосприятии активисток.

На конкретных бытовых примерах показано, почему изменялось отношение женщин к распределению бюджета личного времени, обязанностей в семье, как на первое место выдвигалась общественная деятельность, которая имела для каждой глубокий личностный смысл, но при этом семейные обязанности не теряли своей значимости. Справляться с многозадачностью женщинам-активисткам удавалось, если верить М.В. Штылевой, как раз осваивая гибкие практики кооперации, планирования и самоорганизации, ситуационного делегирования своих обязанностей понимающим членам семьи и/или единомышленницам, подругам. При этом, как доказано автором, чем больше члены семьи были

погружены в проблемы, которые подтолкнули женщин к общественной деятельности, тем выше был уровень понимания и поддержки их работы близкими людьми.

В этой части работы много интересных выводов и наблюдений о инновационных практиках так называемого «содержательно–просветительского координированного досуга», тут же содержатся верные наблюдения об «активистском туризме» (действительно, для многих активисток женского движения именно он был способом оказаться в другой стране по обмену опытом), впервые именно в этой работе наблюдаемое явление получило такое точное и меткое наименование – «активистский туризм» (ранее в научной литературе не встречавшееся).

Безусловным достижением диссертантки можно считать и ее работу по сбору уникальной информации – воспоминаний лидеров «Конгресса...» от посещения Норвегии, от знакомства с другой «системой координат» в отношениях между членами семьи, от развития идеи волонтерства, которая и породила самоотдачу женщин в общественной работе (ведь за участие во всех изученных М.В. Штылевой структурах активистки не получали материального вознаграждения). Все это нигде более не отражено и содержится лишь в воспоминаниях очевидцев, лидеров мурманских женских организаций.

Разнообразие женских практик, связанных с одновременным исполнением женщинами множества социальных ролей (профессиональных, домашних, общественных), позволило диссертантке выделить направления и стратегии адаптации социально активных женщин к перманентно изменяющимся условиям. Она привела интересные примеры того, как выход за пределы домашнего мира позволял женщинам обнаруживать в себе «скрытые» ресурсы и таланты (как, скажем, лидерские качества или талант к журналистике и публицистике). В экстремальных условиях экономического хаоса 1990-х, справедливо полагает М.В. Штылева, не западные грантодатели, а русская культурная традиция и многопоколенный опыт адаптации к сложностям заставили переосмыслить традиционные культурные практики взаимопомощи, которую можно назвать и соборностью. При том, что характерной чертой исследования М.В. Штылевой является сильная личностная вовлеченность, достоверность выявленных и обобщенных ею событий и фактов не вызывает никаких сомнений.

Автор внятно и четко сформулировала в Заключение основные выводы и наблюдения, сделанные ею. Все изученное и обобщенное честно апробировано в немалом числе публикаций и докладов на 10 конференциях историков, этнологов и антропологов.

Автореферат соответствует содержанию диссертационного текста и написан в соответствии с действующими правилами.

Резюмируя, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на высказанные частные замечания и вопросы, к защите представлено целостное, самостоятельное, оригинальное и завершённое исследование, соответствующее требованиям ВАК Министерства образования и науки

Российской Федерации в пунктах 9-14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор Мария Владимировна Штылева – заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – этнология, антропология и этнография (исторические науки).

Официальный оппонент – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры российской истории и документоведения ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

 Меншикова Евгения Николаевна

Контакты:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Тел: (4722) 30-12-11

E-mail: Info@bsuedu.ru

